

УДК 172.3+327.366-05

doi 10.17072/2219-3111-2023-4-93-107

Ссылка для цитирования: *Клюева В. П.* Исторический опыт пацифизма советского евангельского сообщества: заявления церкви и выбор верующих // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 93–107.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПАЦИФИЗМА СОВЕТСКОГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА: ЗАЯВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ И ВЫБОР ВЕРУЮЩИХ¹

В. П. Клюева

Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 625026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, 86
vormpk@gmail.com
SPIN-код: 8032-8658
ResearcherID: AAQ-5208-2020
Scopus Author ID: 57190879990

Анализируется исторический опыт пацифизма среди евангельских верующих (евангельских христиан-баптистов и пятидесятников). Основные постулаты пацифистских убеждений евангеликов были заложены в период Российской империи (в начале XX в.), в 1920-е гг. были сформулированы доктринальные положения, которые получили широкое распространение и просуществовали весь советский период. В статье представлены изменения государственной политики в вопросах пацифизма, начиная с ограничений и исключений для ряда деноминаций в имперский период. В начальный советский период государство предоставило право замены военной службы на альтернативную гражданскую для верующих. Позднее это право было отменено. Одновременно с провозглашением свободы совести, государство вынудило структуры евангеликов заявить о необходимости выполнения гражданских обязательств, в том числе с оружием в руках. Евангельское сообщество выработало гибкую позицию в отношении пацифизма, официально провозгласив принцип личной ответственности за свой выбор и необходимости соблюдения государственных законов. В советский период в евангельском сообществе сложилось несколько стратегий действий по отношению к участию в военных действиях и службе в армии: от категорического отказа до тотального принятия необходимости армейской службы. В разных евангельских церквях сложились свои традиции отношения к военной службе. В нелегальных общинах часто встречались случаи отказа принятия присяги с оружием в руках. В позднесоветский период для большинства верующих служба в армии являлась способом проверки «стойкости веры» и одновременно демонстрацией законопослушности и включенности в жизнь советского общества.

Ключевые слова: религиозный пацифизм, антимилитаризм, воинская повинность, евангельские христиане-баптисты, пятидесятники.

Введение

«В 1969 году Тимофея призывают на военную службу. Хотя и считали семью врагами народа, однако служить Родине призвали. Да еще защищать Родину с оружием в руках. А [так] как Родина для семьи Прокопчиков была не родной матерью, а злой мачехой, [то] Тимофей решил не присягать ей на верность и не защищать ее с оружием в руках. Когда явился он в военкомат, то сразу заявил: “Служить не отказываюсь, но присягу и оружие брать не буду. Готов только пойти в стройбат”. “Где служить, решаешь не ты, – ответил военком. – А потому пойдешь, куда пошлет Родина! Твой отказ для нас ничего не значит, мы и не таких ломали отказников; и тебя перевоспитаем”» [*Жеребилов*, 2011, с. 115–116]. Подобный сюжет мы регулярно встречаем в опубликованных воспоминаниях евангельских верующих. Здесь рассказчик подчеркивает свою готовность к армейской службе, но при одном условии – без принесения присяги. Подобных случаев на протяжении советской истории было достаточно, и многим верующим приходилось искать баланс между пацифистскими/антимилитаристскими убеждениями и необходимостью «отдать долг Родине».

Весь советский период граждане считали себя вправе упрекать верующих в пацифизме, который воспринимался как нечто негативное, граничащее с предательством и трусостью, зачастую не задумываясь ни о смысле понятия пацифизм, ни о том, насколько он был распространен среди верующих и нерелигиозных граждан.

Пацифизм – это идеологическая концепция², суть которой может быть выражена одним предложением: насилие и война не могут быть оправданы. В некоторых случаях это понимается как деонтологическое утверждение, основанное на фундаментальном моральном принципе – «убивать нельзя», или на религиозной заповеди «не убий». В других случаях пацифизм предполагает критический анализ теорий, претендующих на оправдание насилия или войны [Fiala, 2022]. Религиозный пацифизм, с одной стороны, выступает как часть идеологии пацифизма, с другой – является самостоятельным явлением (подробнее о разнообразных видах и направлениях религиозного пацифизма см. здесь [Yoder, 1992; Sibley, 1943]). Исследовательница российских и советских традиций пацифизма Ирина Гордеева подчеркивает, что в XIX столетии идеи и ценности пацифизма вышли за пределы религиозных общин, приобретая секулярный характер и распространяясь участниками некоторых социальных движений [Gordeeva, 2019]. Более того, когда речь заходит о религиозном пацифизме, желательно уточнять, какая религиозная традиция имеется в виду, так как, к примеру, ненасилие в индийской/индуистской традиции отличается от того, что предлагает христианский пацифизм. К тому же внутри христианства представления о пацифизме могут отличаться (см. об этом подробнее [Dombrowski, 1991]). Мало того, даже внутри протестантского сообщества существует целый спектр представлений о пацифизме и ненасилии. Линия различения проходит по отношению к необходимости участвовать в военных действиях или служить в армии. Во многих европейских странах эта проблема появлялась только во время мировых войн XX в., а для Советского Союза она возникала и в мирное время во время призыва на военную службу молодых людей. Случаи отказа от военной службы характерны для разных верующих, не только для евангеликов. Наиболее последовательными отказниками были меннониты, истинно-православные христиане, свидетели Иеговы, адвентисты, члены Совета церквей евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и пятидесятники (христиане веры евангельской).

В данной статье нам представляется важным рассмотреть, как удавалось евангельским верующим (прежде всего евангельским христианам-баптистам и пятидесятникам) отстаивать свои убеждения в условиях тотальной несвободы. При анализе конкретного кейса автор фокусируется на антимилитаристских представлениях христиан веры евангельской (пятидесятников). Основные принципы пацифистских убеждений евангеликов были заложены еще в начале XX в. в период Российской империи, а доктринальные положения были сформулированы в 1920-е гг., в позднесоветский период они получили широкое распространение среди евангеликов.

Изменения государственной политики в отношении религиозных пацифистов

Проблемы реакции властей на антимилитаристские отказы по религиозным убеждениям были насущными еще в Российской империи. Этот вопрос стал актуальным при подготовке Устава о всеобщей воинской повинности (1874 г.). До этого привилегией освобождения от военной службы пользовались меннониты, получившие такую льготу при Екатерине II при переселении в Россию. С 1 января 1874 г. меннониты стали призываться «на нестроевые должности при госпиталях или в мастерские военно-сухопутного или морского ведомств и тому подобные заведения, причем они освобождаются от ношения оружия» (Россия. Законы и постановления..., 1874, ст. 157). Однако даже такое решение вызвало эмиграционное движение, и к 1890 г. из страны уехало около 18 тысяч меннонитов. От исполнения воинской повинности также «освобождались священнослужители всех христианских вероисповеданий» (Там же, ст. 62), на тот момент к ним относились православные, католические и лютеранские священнослужители.

Государственный подход к всеобщей воинской повинности вступил в противоречие с мировоззренческими убеждениями о ненасилии для верующих из разнообразных общин: евангельских верующих (баптистов и евангельских христиан), духоборов, молокан, свидетелей Иеговы, толстовцев и др. Нужно уточнить, что эти религиозные группы можно разделить по их

отношению к пацифизму. Если для толстовцев, духоборов, свидетелей Иеговы пацифизм был составной и неотъемлемой частью религиозного учения, то для евангельско-баптистских верующих антимилитаристские взгляды были скорее ситуативными, присущими отдельным верующим, чем всей деноминации (см. подробнее [Брок, 1997; Гордеева, 2018]).

К началу XX в. количество отказников становилось все больше. Власти ужесточали наказания за неподчинение. «После принятия закона о веротерпимости в 1905 г. отказников стали судить не за религиозные преступления, а по закону об “упорном отказе с целью совершенного уклонения от исполнения воинской повинности”, приговаривая на срок 4–6 лет в каторжные работы или отдачу в исправительные арестантские отделения на тот же срок (ст. 125 Воинского устава о наказаниях). В 1911 г. в связи с угрозой большой войны власти стали (по ст. 127-1 Воинского устава о наказаниях) преследовать любые отказы от военной службы, избрав местом наказания для отказников дисциплинарные и исправительные военные части» [Асташов, 2011, с. 50]. Активно обсуждался вопрос о введении альтернативной службы, которой предполагалось заменять военную службу для тех, чьи религиозные или гражданские убеждения не позволяли участвовать в военных действиях. Начавшаяся Первая мировая война усугубила ситуацию. Часть верующих призывников отказывалась принимать участие в боевых действиях, другие вели пацифистскую проповедь в войсках. Отказники заявляли о своей готовности переносить страдания за свои убеждения и заявляли, «что их деятельность обусловлена учением Христа, не позволяющим убивать кого-либо, даже врага». [Там же, с. 53]. Наказание за антимилитаристские взгляды было до 12 лет каторжных работ. С начала войны и до 1 апреля 1917 г. было привлечено к суду за антивоенные убеждения несколько тысяч человек, осуждено военно-окружными судами – 837 человек, из них евангельских христиан – 256 чел., баптистов – от 114 чел. (Истинная свобода, 1920, с. 20).

Кратковременное нахождение у власти Временного правительства не успело внести значительных изменений в отношении пацифистски настроенных верующих, хотя новая власть приняла два важных постановления: «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и «О свободе совести» (14 июля 1917 г.).

После Октябрьской революции 1917 г. новая власть в декрете СНК РСФСР от 20.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (также встречается название «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [Козлов, 2015]) подтверждает установку на свободу совести: каждому гражданину предоставлялось право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Советские религиоведы подчеркивали, что провозглашенная и гарантированная советской властью свобода совести включала в себя и разрешение вопроса о военной службе с оружием в руках. «Подлинная свобода совести была одним из завоеваний Октябрьской революции и гарантирование ее было делом принципиальным, хотя бы при этом и были неизбежны издержки, в том числе и предоставление некоторой части верующего населения льгот при несении воинских обязанностей или даже полного освобождения их от военной службы», – так писал ведущий специалист по религиозной проблематике А. И. Клибанов [Клибанов, 1969, с. 188]. И действительно, тема отказников неоднократно поднималась в советском законодательстве³ в 1918–1930-е гг. Еще до принятия декрета СНК РСФСР «Об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям» (4 января 1919 г.) верующие-пацифисты упоминались в декрете ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» (от 22 апреля 1918 г.). Декретом предписывалось привлекать их в процессе обучения только к тем обязанностям, которые не были связаны с употреблением оружия. А уже в декрете «Об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям» подтверждалось право на освобождение от военной службы людей, считавших для себя невозможным нести воинскую службу по религиозно-этическим мотивам. Военная служба заменялась им, по примеру меннонитов, «санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользующей работой по выбору самого призывника» [Савин, 2009, с. 74].

Однако не следует считать, что в основе принятия декретов, учитывающих мировоззренческую позицию и пацифистские убеждения советских граждан, находились исключительно гуманистические представления о праве на свободу совести. Реввоенсовет, в ведении которого

находились вооруженные силы Советской республики, понимал, что в действующую армию необходимо призывать только проверенный контингент, а всех ненадежных следует обязывать нести невооруженную службу. Справедливость такого подхода подтверждали известия об антивоенной агитации, которую вели насильно мобилизованные верующие пацифисты. «Эту пропаганду военное командование расценивало как происки классового врага, который “посылает в красноармейскую массу под личиной евангелистов тайных врагов рабочих и крестьян, пытающихся усыпить их отрицанием войны и убеждением сложить оружие, и, тем самым, ослабляет нашу волю к победе и готовность к величайшей жертве во имя торжества советской власти” (из приказа по войскам Запасной армии республики и Приволжского военного округа от 16 сентября 1920 г.)» [Крапивин и др., 2003, с. 274].

Подобные случаи происходили и позднее. Так, в сводках Политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) за 1924 г. упоминалось, что в 9-й кавалерийской бригаде Сибирского военного округа выявлены два баптиста, из которых один (бедняк) проявил особенное упорство и стойкость, заявляя, что «коммунисты на каторге страдали за свои идеи, я хочу пострадать за своего Христа» [Стволыгин, 2019, с. 119]. В Украинском военном округе «одному евангелисту удалось завербовать пять последователей своего учения из числа красноармейцев» [Там же]. А в хозкоманде одного из полков Северо-Кавказского округа ситуация оказалась более запущенной: там «сектанты организовали баптистский кружок, который собирается в послеобеденное и вечернее время, читая на своих собраниях евангелие и распевая божественные песни. Со стороны кружка была попытка отказаться от работы в субботах с целью посвящения таковых громкому чтению евангелия» [Там же].

Поэтому власти рассматривали религиозных пацифистов как «лица, враждебные Советскому государству, поскольку их религиозные убеждения входили в противоречие с государственной идеологией» [Стволыгин, 2016, с. 261]. Количество верующих, заявлявших о своих убеждениях, несовместимых с военной службой, резко увеличилось. К примеру, только в Киевской губернии за 1922–1923 гг. было подано более тысячи заявлений об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. При этом в докладе ОГПУ о состоянии сектантства в СССР, его политической и экономической роли, направленном в Оргбюро ЦК ВКП(б) в сентябре 1926 г. особо подчеркивается антисоветская составляющая подобных отказов [Там же]. По мнению А. Савина, «крестьянство, в своей массе уставшее от многолетней войны и не желавшее участвовать в вооруженном противостоянии, восприняло декрет как возможность легализации своей позиции» [Савин, 2009, с. 75]. Следует добавить, что это заявление справедливо и в отношении горожан.

В 1923 г. Наркомат юстиции издал циркуляр «О порядке разбора дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям», который позволял освобождать от военной службы верующих, принадлежащих к конфессиям, в вероучении которых заявлялось о пацифизме. К таким верующим относились духоборы, меннониты, молокане и «нетовцы». Другие верующие тоже могли получить освобождение от службы, при условии что сам заявитель или члены его семьи пострадали за отказ от службы еще при царизме [Никольская, 2009, с. 84–86]. Евангельских верующих в этом списке, как мы видим, не оказалось. А освобождения по суду были очень редкими.

Последующие законодательные акты все более и более уменьшали возможность для верующего стать отказником. Тех же, кто упорствовал в отстаивании своих взглядов, зачастую привлекали для работы в трудовых батальонах и использовали как источник дешевой рабочей силы (см. подробнее [Савин, 2009]). В УК РСФСР 1926 г. была внесена статья, предусматривающая уголовную ответственность за «уклонение от призыва к обязательной военной службе ... под предлогом религиозных убеждений, [предусматривается] лишение свободы на срок до пяти лет с направлением по отбытии этого срока в части войск для прохождения положенного срока службы» (Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г.). Позднее срок наказания был сокращен до трех лет.

В 1930 г. был издан новый закон о воинской обязанности, в котором подтверждалось право граждан, по рождению или по воспитанию, принадлежащих «к сектам, религиозные уче-

ния которых запрещают в настоящее время и запрещали до 1917 г. отбывание военной службы с оружием в руках», отказываться от военной службы и вместо нее проходить в мирное время гражданскую службу, а во время войны нести службу в вспомогательных частях РККА (Закон об обязательной военной службе). Освобождение от службы в армии осуществлялось по постановлению суда. Однако получить такое освобождение было весьма сложно. Так, за период с 1935 по 1941 г. ни один религиозный пацифист не сумел воспользоваться правом замены военной службы на гражданскую. В Конституции 1936 г. всеобщая военная обязанность закреплялась как обязательная. В статье 132 говорилось: «Всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР» (Конституция (Основной закон) СССР 1936 г.). А в Законе СССР о всеобщей воинской обязанности 1939 г. возможность отказа от службы в армии или замены военной службы на гражданскую не предусматривалась. В следующий раз вопрос о возможности служить без оружия в руках начнет обсуждаться только в конце 1980-х гг.

С этого времени антимилитаристские взгляды верующих становятся еще одним обвинением в их адрес. На протяжении последующих десятилетий типичной формулировкой в обвинительных приговорах становится фраза: «Систематически организовывал и проводил нелегальные сборища сектантов, на которых призывал сектантов уклоняться от службы в Советской Армии и не брать оружие в руки в случае нападения врагов на Советскую землю» (Усач, Трофименко, 2003, с. 85).

Трансформация представлений о военной службе в евангельском сообществе

В отличие от духоборов и толстовцев, перед евангельскими верующими всегда был выбор между пацифизмом и участием в военных действиях. Только меннониты последовательно придерживались антимилитаристских взглядов. Евангелики имели возможность принять решение о службе в армии в соответствии с собственными представлениями о правильности действий.

Даже конфессиональные исследователи констатируют, что «за всю историю евангельско-баптистского братства ни один вопрос не внес в ряды баптистов и евангельских христиан столько расстройств, как вопрос о службе в армии и несении воинской повинности» [Савинский, 2001, с. 27]. В официальной истории ЕХБ в СССР, изданной в 1989 г., говорилось, что «баптисты и евангельские христиане в большинстве своем безотказно, за редким исключением, шли в ряды армии и участвовали на фронтах войны» [История евангельских христиан-баптистов, 1989, с. 176]. Для подтверждения этого тезиса цитируются выдержки из официальных вероучительных документов. «Тринадцатый раздел вероучения баптистов, принятый съездом в 1905 году, гласил: “Мы считаем себя обязанными, когда потребует к этому начальство, нести повинности военной службы...”. В вероучении евангельских христиан, опубликованном в 1910 году, в главе XV было записано: “Мы признаем воинскую повинность, как оброк, но имеем общение с теми, кто иначе мыслит в этом вопросе”» [Савинский, 2001, с. 27]. Далее тезис евангельских христиан получает развитие: «Любя свой народ и будучи готовы отдать для блага его нашу жизнь (Римл. 9.1-4), мы не можем во имя этой любви ненавидеть какой-либо другой народ (Лук. 10.25-37)» (Изложение евангельской веры, 1996, с. 455). Следует уточнить, что и в «Исповедании веры христиан-баптистов» имеется продолжение: «Однако мы веруем, что никакого принуждения не должно применяться к тем, которые из глубоких побуждений совести (Исх. 20.13; Мф. 26.52) просят освободить их от несения службы с оружием» (Там же, с. 433). Как видим, в документах начала XX в. евангелики демонстрировали вариативность взглядов на пацифизм.

Другие конфессиональные историки, занимающиеся историей пятидесятнического движения, ссылаясь на те же документы, выделяют пацифистский пафос в проповедях лидера союза евангельских христиан И. С. Проханова. В. Степанов, анализируя причины, повлиявшие на пацифистский настрой в проповедях Александра Иванова (первого руководителя общины евангельских христиан в духе апостолов), считает что Иванов «руководствовался в проповеди вероучением Проханова, в котором ясно звучал призыв к христианам о недопущении войн между народами и к широкой проповеди торжества всеобщего мира», в том числе поэтому «Иванов считал проповедь пацифизма своим нравственным христианским долгом и был в этом вопросе

тверд и последователен, несмотря на возникшую очень скоро угрозу репрессий» [Степанов, 2020, с. 289–290].

Уже при советской власти после издания декрета в евангельском сообществе усилились антимилитаристские настроения. В 1920 г. на совместном съезде евангельских христиан и баптистов была принята резолюция, в которой говорилось: «Считая... участие евангельских христиан [и] баптистов в пролитии человеческой крови при всяком государственном строе преступлением против совести и точного учения и духа Св. Писания, ... Всероссийский съезд единоголосно постановляет: ... всякий евангельский христианин [и] баптист должен считать своей священной обязанностью открыто отказываться от военной службы во всех ее видах, стремясь всем сердцем быть верным последователем Того, Кто учит всепрощению и любви» [Прохоров, 2008, с. 106–107]. Затем И. С. Проханов в сентябре 1922 г. опубликовал воззвание «Голос с Востока», призывавшее всех христиан мира отказываться от участия в войнах с оружием в руках. Ранее воззвание было одобрено на VIII Всероссийском съезде евангельских христиан. С. Савинский высказывает мнение, что выступление Проханова было использовано советскими властями «для вмешательства государства в дела церкви по такому щепетильному вопросу, как военный. И использован он был для того, чтобы произвести раскол в поместных церквях как баптистов, так и евангельских христиан» [Савинский, 2001, с. 30].

Кроме того, издание декрета поставило евангельские общины в трудное положение, так как количество верующих стало резко возрастать, стали принимать крещение нерелигиозные мужчины, пытавшиеся таким способом избежать мобилизации. «В связи с наплывом в среду евангельско-баптистского братства духовно невозрожденных лиц и усвоения отдельными братьями лишь внешнего правила отказа брать оружие, нравственный облик поместных церквей братства изменился к худшему» [Там же, с. 31].

В 1923–1928 гг. под нажимом властей евангельское сообщество признало обязательными все гражданские обязанности, в том числе службу в армии. На очередных съездах в 1923 и 1926 гг. баптисты и евангельские христиане заявили о недопустимости для верующих любой антисоветской деятельности, включая антимилитаристскую пропаганду, а также признали необходимость соблюдать воинскую повинность (Об этом см. подробнее [Никольская, 2009, с. 84–87; Савинский, 2001, с. 27]). Часть верующих, несогласных с этой позицией, вышли из официальных союзов. Самое известное движение несогласных – так называемое Красноворотское движение в Москве. Оно названо по расположению общины у Красных ворот. Ее членами стали верующие, несогласные с отказом лидеров от антивоенных взглядов. Их численность могла составлять до 400 человек. Собрания проводились у Красных ворот и в Вадковском переулке Москвы. Служители Красноворотской общины опубликовали заявление, где говорилось: «...ничего общего не имея с контрреволюцией, ни с защитниками капитализма, будучи чужды всякой специальной антимилитаристической агитации, а также неплатежа налогов, относясь искренно и лояльно к Советской (...), а также не отказываясь от несения гражданской обязанности мирного общепольного характера, – мы в то же время заявляем, что по нашей христианкой вере и религиозным убеждениям участвовать... в делах связанных с человекоубийством – мы не можем» (Церковь должна оставаться Церковью, 2008, с. 109). Верность красноворотцев пацифизму стала одновременно и выражением оппозиционности официальным союзам. Другие евангелики, также несогласные с декларацией о военном вопросе, стали переходить в общины к христианам евангельской веры (пятидесятникам-воронаевцам). Однако здесь несогласных ожидало разочарование. На 2-м съезде христиан евангельской веры было принято решение: «Впредь члены других сект будут приниматься в наш Союз только в том случае, если они разделяют наше мнение по всем без исключения вопросам, в том числе и по вопросу о воинской повинности» (Гальчук, 1928, с. 19).

Свое мнение о военном вопросе пятидесятники тоже сформулировали в 1926–1927 гг. По сравнению с другими евангеликами, пятидесятники к середине 1920-х гг. находились в менее устойчивом положении. Если баптисты и евангельские христиане уже сумели выстроить отношения с государством и создать свои организационные структуры, то первые христиане веры евангельской появились в стране в начале 1920-х гг. (см. об этом подробнее [Франчук, 2001;

Kliueva, Poplavsky, 2023). И. Воронаев и его последователи также были заинтересованы в легализации своей деятельности. А для этого необходимо было доказать свою законопослушность, в том числе через обязательства выполнять гражданские обязанности. В «Кратком вероучении христиан евангельской веры» записано: «Мы, евангелисты, веруем и исповедуем, что всякий истинный христианин должен быть верным гражданином своего Государства, покорным властям» (гл. 14. О государственной власти) [*Франчук, 2001, с. 449*]. Но подобное высказывание было недостаточно понятным.

В связи с этим на Первом всеукраинском съезде (21–23 сентября 1926 г.) развернулась дискуссия по военному вопросу, в результате которой была принята резолюция, где говорилось: «Каждый христианин евангельской веры, призванный в Красную Армию, как в мирное, так и в военное время, обязан нести эту службу на общих основаниях со всеми гражданами страны» [Там же, с. 453]. Резолюция вызвала возмущение у части верующих. В знак несогласия несколько пятидесятнических общин вышли из союза. На Втором съезде (октябрь 1926 г.) резолюция была подтверждена, и, более того, в решении съезда было записано: «Отказы от несения службы в строевых частях Красной Армии не вытекают ни из постановления Первого Всеукраинского съезда ХЕВ, ни из Вероучения ХЕВ, ни из Евангелия и недостойны нас, получивших при Советской власти полную религиозную свободу. Съезд предупреждает всех братьев нашего Союза, что все те, которые окажутся неправильно толкующим резолюцию и тем самым показывающие свое нелояльное отношение к Советской власти, недостойны звания христианина и будут исключаться из наших рядов» [Там же, с. 479].

Встречается утверждение, что в частных разговорах И. Воронаев не поддерживал официальную точку зрения [*Борноволоков и др., 2021, с. 244–245*]. Однако ему пришлось пойти на такой шаг для того, чтобы сохранить и легализовать пятидесятническое движение. Одновременно он должен был избежать разрыва отношений со славянскими церквями в Америке, стоявших на пацифистских позициях, а также предотвратить намечавшийся раскол внутри своего союза. В результате пятидесятники использовали такую же стратегию, как и другие евангелики. Официальная структура заявляла лояльность к требованиям власти, а внутри сообщества сформировался принцип «персонального решения согласно представлениям совести».

В послевоенном СССР можно выделить две противоположных точки зрения: официальную, представленную в легальном сообществе Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), так и неофициальную, представленную в нелегальных общинах Совета церквей ЕХБ (СЦ ЕХБ) и пятидесятнических церквях Киевского епископата. Взгляд ВСЕХБ, объединившего большую часть евангельско-христианских общин, был заявлен в самом первом номере «Братского вестника»: «Власть и порядок в стране – это Божье установление. Поэтому, противящийся власти противится Божью установлению (Римл. 13, 2). Затем, служением родине является честное несение христианином военной службы. В данном вопросе двух мнений быть не может. Христианин, любящий свою родину, должен защищать ее с оружием в руках» (*Жидков, 1945*).

Часть пятидесятнических общин, вошедших в состав ВСЕХБ в результате Августовского соглашения (1945 г.), придерживалась таких же взглядов (см. подробнее [*Никольская, 2010, с. 124–133; Клюева, 2015, с. 586–594*]). Более того, в 1946 г. Д. Пономарчук и И. Панько, представители пятидесятников в ВСЕХБ, разослали по пятидесятническим церквям обращение, в нем призывалось исключать из членов церкви тех, кто отказывался от службы в армии и выполнять другие гражданские обязательства: «...Есть среди бывших христиан веры евангельской отдельные лица, не признающие воинской повинности, как призвано Союзом евангельских христиан-баптистов, а также не признающие паспортов, голосования на выборах и т.п. Таких братьев и сестер мы не можем иметь в наших общинах» (Обращение к бывшим христианам веры евангельской, 1946).

Весь советский период ВСЕХБ продолжал придерживаться выбранной позиции. В 1971 г. в журнале «Братский вестник» была опубликована статья заместителя генерального секретаря ВСЕХБ А. И. Мицкевича, в которой повторяются основные тезисы, обосновывающие необходимость службы в армии. Несомненно, эта тема поднималась в поместных церквях. И статья

должна была предложить аргументы в пользу военной службы для сомневающихся. Не зря уже во введении есть строчка: «К сожалению, до сих пор имеются верующие, которые считают, что человек, принимающий участие в военной службе, грешит и что положительное разрешение этого вопроса съездами нашего братства якобы не основывается на Слове Божиим» (Мицкевич, 1971). Однако в вероучении ЕХБ, принятом на 43-м съезде в 1985 г., о военной службе прямо не говорится, лишь подчеркивается: «Как граждане своей страны христиане призваны “отдавать всякому должное”, то есть исполнять законы государства» (Вероучение евангельских христиан-баптистов).

Среди нелегальных общин (пятидесятников Киевского епископата и баптистов-инициативников) было много верующих, имевших пацифистские убеждения. Прежде всего они становились заметны во время очередного призыва в армию, когда призывники отказывались от присяги. Особенно выросло число таких отказников в 1970-е гг., когда к молодым пятидесятникам присоединилась молодежь из баптистских семей. По мнению А. Савина, это объясняется тем, что в баптистских общинах выросло новое поколение, представители которого являлись убежденными сторонниками борьбы за религиозные свободы [Савин, 2018, с. 513]. Возможно, это еще связано и с тем, что именно к 1970-м гг. выросли дети тех баптистских семей, которые ушли в середине 1960-х гг. в СЦ ЕХБ. Не зря такое широкое распространение получила история смерти Вани Моисеева – молодого баптиста, убитого/погибшего во время прохождения воинской службы (см. подробнее [Никольская, 2009, с. 275–280]).

Способы демонстрации пацифистских убеждений внутри евангельского сообщества: кейс пятидесятников

Среди нелегальных евангельских общин пацифистские убеждения были широко распространены. Однако запретить молодежи совсем идти в армию означало дать в руки силовым структурам аргумент для уголовных преследований. Поэтому отношение к военной обязанности становилось поводом для дискуссий. Пятидесятники специально обсуждали эту тему на своем первом нелегальном съезде в Харькове в 1956 г. «Еще в августе 1956 г. на тайном съезде в г. Харькове, кроме утверждения новых догматов по учению Евангелия, был вынесен вопрос о службе в Советской Армии. После обсуждения решения И. Воронаева [о том], что все верующие обязаны защищать Родину, братья во главе с Афанасием Бидашом, вынесли постановление [о том], что воинская повинность является делом совести каждого молодого христианина. Только чтобы он и там был верным Богу» [Жеребилов, 2011, с. 50].

Служба в советской армии несла двойные смыслы для евангельских верующих. С одной стороны, это было подтверждением законопослушности и в дальнейшем могло использоваться как аргумент при легитимации своей мировоззренческой инаковости, с другой – сами призывники-пятидесятники воспринимали это как своеобразное «испытание веры». При этом государство отказывало в праве самим верующим принимать решение, предполагая, что его за них принимают лидеры общины. «Нередко верующим не запрещают служить в Советской Армии, но дают им наказ не принимать присягу и подальше держаться от оружия, добываясь работы на кухне, в различных мастерских, в строительных отрядах и т.п.» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1595. Л. 25).

По сохранившимся воспоминаниям, мнение старших было немаловажным для молодежи. Обсуждались эти темы и в легальных пятидесятнических общинах. «Большинство из старших братьев в Находке уклонялись проповедовать или проводить беседы на эту тему из-за опасности от властей, придя к “легкому” решению – оставить решение идти в армию или нет на совести призывника. А это были 18-летние парни, которые только недавно сознательно уверовали, только недавно приняли водное крещение, еще не зная хорошо Писания. Они готовы были поступить по совету старших братьев, даже если придется сидеть в тюрьме или идти в армию, если братья дадут такой совет» (Бресенден, 2010, с. 54).

Пятидесятнические лидеры понимали, что молодежь в армии окажется в беззащитном состоянии. «Во-первых, [это] одиночество молодого, неопытного еще юноши. Во-вторых, [это] постоянный прессинг на него со стороны командования и вызовы в спецотдел части; тот же КГБ, только военный. В-третьих, на три, четыре года [остаться] без общения с единоверцами.

А в-четвертых, если юноша занимает твердую позицию по отношению веры в Бога, – доходит до постоянных насмешек и избиения, как сослуживцами, так порою и офицерами, хотя и не везде было такое» [Жеребилов, 2011, с. 50]. Да и юноши заранее готовились, что служба в армии будет сложной не из-за физических трудностей, а из-за постоянного давления: «Мы понимали и настраивались, что армия – это оружие, и не детский сад и не школа. Там вопрос может встать очень круто. Может быть, и умирать придется. Для меня идти в армию, это было так – или жить, или умирать. Поэтому я готовился, что, Бог знает, какая [мне] судьба уготована» (Инт. 1).

Пятидесятническое отношение к службе в армии делится на два периода: категорический отказ от службы в армии (конец 1940-х – 1950-е гг.) и отказ от принесения присяги (начиная с конца 1950-х гг.). До конца 1950-х гг. «отказники» (отказывавшиеся от присяги) попадали под уголовное наказание: «И оттуда меня призвали в армию. Безусловно, я уже был членом церкви в то время. И отказался от присяги и взятия оружия. Ну, меня судили, дали пять лет. Отбывал я срок в разных местах...» (Инт. 2). Отказ от военной службы в 1960-е гг. и позднее был чаще распространен среди тех верующих, кто планировал эмигрировать из страны. Например, в 1963 г. в Черногорске и Канске Красноярского края 13 молодых пятидесятников отказались служить в армии, требуя разрешить им эмиграцию [Гиндер, 2021, с. 137]. Отказ от армейской службы как форма противостояния государственной системе был характерен не только для пятидесятников, но и в целом для евангельских верующих. Последующие репрессии, указывались как причина, подтверждающая право на отъезд.

Пацифистские убеждения базировались на трех постулатах: запрет на убийство («Не убивай», Второзаконие 5:17), запрет на ношение оружия («Взявший меч от меча и погибнет», Матф. 26:52), запрет на принятие присяги, т.е. принесения клятвы («Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас: “да, да” и “нет, нет”, дабы вам не подпасть осуждению», Иак. 5:12).

Уже в 1960-е гг. молодые пятидесятники в большинстве своем шли в армию осознанно и добровольно. Ситуации, когда они получали неожиданные отсрочки, вызывали скорее чувства обиды и недоумения, чем облегчения: «Выбора не было, шел на службу. Тогда военкомат очень много отсрочек давал, мне было непонятно, почему отсрочки. Обстрижешься налысо, [готовишься]. <...> И говорят – опять до осени. Потом до весны, потом до осени. Очень много было отсрочек. <...> [Призвали] в 21 год. А потом я уже понял, почему отсрочки-то были. <...> Военком так и сказал – думал, что он исправится, и в хорошие войска его отправит» (Инт. 3).

До армии верующий призывник мог принять водное крещение, став членом церкви. Именно в этом случае он не должен был принимать присягу, так как это воспринималось как нарушение запрета на принесение клятвы. Некоторые пятидесятники призывного возраста сознательно старались принять крещение до ухода в армию, пытаясь таким способом утвердиться в своем выборе между светским и религиозным: «Я хотел, чтобы идти уже в армию и быть уже человеком обязанным, членом церкви. Всё, это было поворотное [решение]» (Инт. 4). Но если они опасались того, что не смогут выдержать давления, то уходили в армию некрещеными. Хотя какое-либо давление на юношей призывного возраста отрицалось. И официально никакого наказания за принятие присяги членом церкви не существовало. Однако в некоторых наиболее консервативных общинах пятидесятников такие солдаты наказывались вплоть до отлучения от церкви. «А из другой части какой-то появлялся пятидесятник, тот принял [присягу]. Такой смущенный был и говорил: “Как домой теперь ехать?”. [Инт.: А что ему грозило?] Отлучение, скорей всего. Могли решить по-разному в церкви. Ну да, могли отлучить на какое-то время» (Инт. 3).

Отношения во время армейской службы могли сложиться по-всякому. Зависело это, в первую очередь, от командиров. Существует устойчивый сюжет о постоянном физическом насилии и попытках сломать тех, кто отказывался от присяги. «Некоторых забирали не сразу в стройбат. Забирали в армию. Если ребенок там отказывался от присяги, избивали очень сильно. Могли там и руку, и ногу сломать. И если только он очень настойчиво держался, что он не будет [принимать присягу], тогда отправляли. Но это не каждый же может [выдержать].»

Некоторых подвергали избиениям. Это же дети шли [в армию]» (Инт. 7). Но встречались и истории, где не было каких-то значительных конфликтов. «[Я служил] в ракетных войсках в Тбилиси. Все два года я был для сверстников и солдат-сослуживцев нормальный парень, для командира поначалу я был что-то чуждое. А потом он, когда я два года отслужил, собрал всю роту и сказал: “В нашей роте за два года никто работы больше не сделал, чем рядовой Н.” Он уважал меня» (Инт. 6). Справедливости ради отметим, что информант не уточняет, принимал ли он присягу или нет. Но, скорее всего, присягу он принимал, так как служил не в стройбате, а строевых частях. Здесь интересно другое – то, что он специально подчеркивает свою «нормальность» в глазах сослуживцев. Вот образный рассказ непосредственного участника событий, очевидца, отказавшегося от присяги: «Я получил водное крещение, и сразу меня в армию забрали. <...> Я присягу не принимал. Армия – это ужас был. <...> Прошел месяц, в моей части все присягу приняли, а я нет. <...> Позвал меня майор, спрашивает: “Присягу не будешь принимать?” Я говорю: “Да, не буду принимать”. Потом уже командир части вызывает. В общем, стращали меня так и так, [угрожали] что в дисбат меня сразу [отправят] на три года минимум. А я объяснял, что я оружие в руки брать не могу, людей убивать не могу, я не могу клясться и обещать. <...> Специально настраивали против меня сослуживцев. Им сказали, пока он не примет присягу, вы будете каждый вечер маршировать. А мороз на улице, тридцать пять градусов. <...> Мне нос перебили там. Операцию делать пришлось» (Инт. 5). К счастью, в этом случае дело не закончилось трибуналом в отношении пятидесятника, но и избивавшие его солдаты также не понесли никакого наказания.

Однако нельзя говорить, что ситуация, связанная с отказом от присяги, к середине 1960-х – 1970-е гг. рутинизировалась. Кто-то из верующих относительно легко сумел настоять на своем праве не принимать присягу. Для других это заканчивалось судебными приговорами. Известно, что в Находке за период с 1960 г. по 1967 г. за отказ носить оружие и принимать военную присягу были осуждены 11 молодых людей на сроки от 3 до 5 лет лишения свободы. Даже когда юноши соглашались служить в строительных батальонах, их судили военным трибуналом за отказ принятия присяги, что являлось нарушением закона, так как военный трибунал имеет право судить только лиц, принявших присягу (Документы Московской Хельсинкской группы, 2006, с. 157).

В евангельском сообществе сложилась практика поддержки верующих солдат. Во время увольнительных они могли приходить на собрания к своим единоверцам, а также верующие из родного города отправляли им посылки, писали письма, приезжали навестить. Молодые пятидесятники Перми специально приходили на контрольно-пропускной пункт в первые дни после принятия присяги. Узнав, что в воинской части есть солдаты, отказавшиеся от присяги, они приглашали их к себе в гости и старались поддерживать на протяжении всей службы. «Они приходили [к нам в гости], и их родители присылали посылки нам. Мама убирала в холодильник и говорила: “Это не трогать, это солдатское”» (Инт. 8).

В середине 1980-х гг. встречались ситуации, когда верующий принимал присягу, во время которой не брал в руки оружие. «Дальше я пошел в армию. [Инт.: **Вы же не принимали присягу?**] Принимал, но оружие в руки не брал. Подпись пришлось ставить. Нас там, наверное, человек 50 таких набралось. А [водное] крещение я принимал на 1000-летие крещения Руси. Я так положил себе в сердце, что приму только после армии» (Инт. 9).

Заключение

Советский Союз был второй страной в мире, давшей возможность заменять военную службу на альтернативную гражданскую. Однако такой шанс существовал только до конца 1930-х гг., и совсем небольшое число людей могло им воспользоваться. Причиной для заявления о замене военной службы на гражданскую были религиозные убеждения призывника. Казалось бы, для евангельских верующих открывались разные варианты реализации свободы совести. Но под давлением государства организационные структуры всех евангеликов признали принцип личного выбора о несении военной службы основополагающим. Декларация соблюдения гражданских обязанностей верующими была особенно важна при выстраивании отноше-

ний с государством и советским обществом. При необходимости доказать свою легитимность присутствия в обществе распространенной была следующая формулировка: «Все законы, издаваемые правительством нашей страны, признаем и выполняем. <...> Служим в рядах Советской Армии как в мирное время, так и во время военных действий». В реальной ситуации в евангельском сообществе сложилось несколько стратегий действий – от категорического отказа до тотального принятия необходимости армейской службы. В разных евангельских церквях сложились свои традиции отношения к военной службе. Наиболее часто религиозные лидеры заявляли о свободе выбора потенциального призывника. Иными словами, служить или не служить было личным делом верующего. Для евангельской молодежи особенно в позднем СССР служба в армии могла восприниматься как своеобразное испытание веры. В нелегальных общинах часто встречались случаи отказа принятия присяги с оружием в руках.

Примечания

¹ Исследование выполнено по госзаданию № 121041600045-8.

² В силу ограниченности объема статьи и ее специфики автор сознательно не обращается к рассмотрению пацифизма как идеологии. На эту тему существует много исследований, например [Fiala, 2004, 2022; Holmes, 2016; Долгий путь российского пацифизма, 1997; Гордеева, 2012].

³ Более подробно об эволюции законодательства в отношении верующих-пацифистов см. [Стволыгин, 1997; Крапивин и др., 2003, с. 266–305; Савин, 2009].

Список интервью

Инт. 1 – В.В., муж., пятидесятник, г. Пермь.

Инт. 2 – В.Д., муж., пятидесятник, г. Петропавловск, Казахстан.

Инт. 3 – В.М., муж., пятидесятник, г. Пермь.

Инт. 4 – В.О., муж., пятидесятник, г. Пермь.

Инт. 5 – А.К., муж., пятидесятник, г. Петропавловск, Казахстан.

Инт. 6 – М.Н., муж., пятидесятник, г. Краснодар.

Инт. 7 – Г.К., жен., пятидесятница, г. Челябинск.

Инт. 8 – Т.М., жен., пятидесятница, г. Пермь.

Инт. 9 – С.К., муж., пятидесятник, г. Тюмень.

Список источников

Государственный архив российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1595. Л. 25.

Бресенден Е. Второй исход. Воспоминания, события, факты, документы. Документальная повесть об истоках эмиграции последней волны. Б/м: Эмигрант, 2010. 250 с.

Вероучение евангельских христиан-баптистов [Электронный ресурс]. URL: <https://baptist.org.ru/faith/verouchenie> (дата обращения: 10.07.2023).

Гальчук М.А. О Втором Всеукраинском Съезде Христиан Евангельской Веры // Евангелист. Духовно-нравственный журнал. 1928. № 2. С. 17–20.

Документы Московской Хельсинкской группы. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2006. 592 с.

Жидков Я. Христианин и родина [Электронный ресурс] // Братский вестник. 1945. № 1. URL: https://mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/150/ (дата обращения: 10.07.2023).

Закон об обязательной военной службе (Утв. ЦИК и СНК СССР 13 августа 1930 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92023> (дата обращения: 10.07.2023).

Изложение евангельской веры или вероучение евангельских христиан, составленное И.С. Прохановым // История баптизма. Вып. 1. Сост. С.В. Санников. Одесса: Богомыслие, 1996. С. 435–458.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик (Утв. Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 29.10.2023).

Исповедание веры христиан-баптистов // История баптизма. Вып. 1. Сост. С.В. Санников. Одесса: Богомыслие, 1996. С. 421–434.

Истинная свобода. 1920. № 1 (апрель).

Мицкевич А.И. Как освещает Слово Божие вопрос об отношении верующих к военной службе [Электронный ресурс] // Братский вестник. 1971. № 3. URL: https://mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/2733/ (дата обращения: 10.07.2023).

Обращение к бывшим христианам веры евангельской, 1946 г. Архив Российского Союза евангельских христиан-баптистов.

Россия. Законы и постановления. Устав о воинской повинности: высочайше утвержденный 1-го января 1874 г. [Электронный ресурс]. М.: Унив. тип., 1874. 78 с. Прил. к «Моск. ведомостям», 1874 г. URL: // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50770#mode/inspect/page/58/zoom/4> (дата обращения: 10.07.2023).

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13973#ref-60> (дата обращения: 10.07.2023).

Усач Н., Трофименко В. Водимые духом святым (Виктор Белых и сподвижники). Винница: Слово Христианина, 2003. Кн. 3. 245 с.

Церковь должна оставаться Церковью. Необратимые десятилетия 1917–1937 гг. в истории евангельского и баптистского движений. М.: Историко-аналитический отдел МСЦ ЕХБ, 2008. 427 с.

Библиографический список

Асташов А.Б. Политика власти в отношении отказничества от военной службы по религиозным соображениям накануне и во время Первой мировой войны // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. История России. 2011. № 3. С. 49–61.

Борноволов О., Гура В., Коваль Д., Мокієнко М., Онуфрійчук Р., Хром'як М. Історія п'ятидесятництва в Україні. Ювілейне видання до 100-річчя започаткування п'ятидесятницького руху. Київ: Саміт-книга, 2021. 520 с.

Брок П. Русские сектанты-пацифисты и военная служба 1874–1914 гг. // Долгий путь российского пацифизма. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1997. С. 115–121.

Гиндер В. Пятидесятники Приенисейской Сибири: спец. изд. [Б. м.]: Издательские решения, 2021. 378 с.

Гордеева И.А. О советском пацифизме: Из истории независимого движения за мир в СССР (1980-е годы) // Труды по русистике. 2012. № 4. С. 339–363.

Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 4. С. 78–104.

Долгий путь российского пацифизма: идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественной мысли России. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1997. 376 с.

Жеребилов Ю. Тернистый путь к свободе. Сакраменто: б/и, 2011. 324 с.

История евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Всесоюз. совет еванг. христиан-баптистов, 1989. 622 с.

Клибанов А.И. Сектантство и строительство вооруженных сил Советской республики (1918–1921 гг.) // Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). М.: Наука, 1969. С. 188–208.

Клюева В.П. «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М.: РОСПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 586–594.

Козлов Ф.Н. Декрет «О свободе совести» или «Об отделении церкви» (1918 г.) // Эхо веков. 2015. № 3–4. С. 174–187.

Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатова А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 303 с.

Никольская Т.К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников в 40–50-х гг. XX в. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 124–133.

Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2009. 353 с.

Прохоров К. О христианском пацифизме // Богословские размышления. 2008. № 9. С. 105–123.

- Савин А.И.* Альтернативная гражданская служба в Советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. ст. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 71–93.
- Савин А.И.* Борьба за молодежь: советское государство и религиозные диссиденты в брежневскую эпоху // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-ния РАН, 2018. С. 493–518.
- Савинский С.Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). СПб.: Библия для всех, 2001. 423 с.
- Стволыгин К.В.* Религиозные сектанты в Красной армии: история гонений (1918–1928 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13, № 1. С. 117–121.
- Стволыгин К.В.* Деятельность Объединенного государственного политического управления по принуждению религиозных пацифистов к несению военной службы в СССР // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2016. № 16-1. С. 259–265.
- Стволыгин К.В.* Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1997. 120 с.
- Степанов В.* Россия в огне пятидесятницы: обзор всемирной истории церкви, истории раннего русского пятидесятничества и церкви евангельских христиан в духе апостольском (до 1929 года). СПб.: Библия для всех, 2020. 811 с.
- Франчук В.* Просила Россия дождя у Господа. Киев: Возрождение, 2001. Т. 2. 652 с.
- Dombrowski D.* Christian Pacifism, Philadelphia: Temple University Press, 1991. 178 p.
- Fiala A.* Religious and Secular Visions of Peace and Pacifism // Religions. 2022. 13 (11). P. 1121. URL: <https://doi.org/10.3390/rel13111121> (accessed: 10.07.2023).
- Fiala A.* Practical Pacifism. Algora Publishing, 2004. 260 p.
- Gordeeva I.A.* The Religious Roots of the Pacifist Movement in the Russian Empire and the USSR in the 20th century // Religiski-Filozofiski Raksti. 2019. Vol. 25. P. 242–264.
- Holmes R.L.* Pacifism: A Philosophy of Nonviolence. Bloomsbury Publishing, 2016. 346 p.
- Kliueva V., Poplavsky R.* Russian Pentecostals: from the Soviet Union to Post-Soviet Russia // The Pentecostal World. London: Routledge, 2023. P. 107–121.
- Sibley M.* The Political Theories of Modern Religious Pacifism // American Political Science Review. 1943. 37(3). P. 439–454.
- Yoder J.H.* Nevertheless: the Varieties and Shortcomings of Religious Pacifism. Herald Press, 1992. 192 p. URL: <https://lib.zlibraries.com/book/jlo3zxcg9pql6/nevertheless-the-varieties-and-shortcomings-of-religious-pacifism> (accessed:10.07.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию 09.08.2023

HISTORICAL EXPERIENCE OF PACIFISM OF THE SOVIET EVANGELICAL COMMUNITY: STATEMENTS OF THE CHURCH AND THE CHOICE OF BELIEVERS

V. P. Kliueva

Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Malygin str., 86, 625026, Tyumen, Russia

vormpk@gmail.com

SPIN: 8032-8658

ResearcherID: AAQ-5208-2020

Scopus Author ID: 57190879990

The paper presents the historical experience of pacifism of evangelical believers specifically Evangelical Christians-Baptists and Pentecostals, in the USSR. The main postulates of evangelical pacifist convictions were formulated in the early 20th century, with doctrinal provisions emerging in the 1920s and subsequently becoming widespread. The article analyzes the changes of state policy regarding pacifism, as well as the reaction of the evangelical community to the pressure of the authorities. Initially, the Soviet state granted believers the right to replace military service with alternative civil service. However, in the 1930s, this option was revoked. Despite the proclamation of

freedom of conscience, the Soviet state forced evangelical structures to perform civil duties, including bearing arms for military service. The evangelical community has developed a flexible position on pacifism, officially declaring the requirement to comply with state laws and personal responsibility for choice. During the Soviet period, the evangelical community developed several strategies of action in relation to participation in military operations and military service: from categorical refusal to total acceptance of the need for army service. Different evangelical churches have their own traditions of attitudes towards military service. In illegal communities, there were often cases of refusal to take the military oath with weapons in their hands. In the late Soviet period, for most believers, military service was a way to test the "steadfastness of their faith" and a demonstration of law-abiding and inclusion in the life of Soviet society.

Key words: religious pacifism, anti-militarism, conscription, Evangelical Christians-Baptists, Pentecostals.

References

- Astashov, A.B. (2011), "Government policy regarding conscientious objection to military service on the eve and during the First World War", *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, № 3, pp. 49–61.
- Bornovolokov, O., Gura, V., Koval', D., Mokiyenko, M., Onufriyuk, R. & M. Hrom'yak (2021), *Istoriya p'yatydesyatnyctva v Ukraini. Yuvileynye vydannya do 100-richchya zapochatkovannyya p'yatydesyats'kogo roku* [Anniversary edition dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the Pentecostal movement], Samit-knyga, Kyiv, Ukraine, 520 p.
- Brok, P. (1997), "Russian pacifist sectarians and military service in 1874–1914", in Pavlova, T. (ed.), *Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvennoy mysli Rossii* [The Long Path of Russian Pacifism: The Ideal of International and Internal Peace in the Religious, Philosophical and Social Thought of Russia], Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 115–121.
- Dombrowski, D. (1991), *Christian Pacifism*, Temple University Press, Philadelphia, USA, 178 p.
- Fiala, A. (2022), "Religious and Secular Visions of Peace and Pacifism", *Religions*, № 13 (11), p. 1121.
- Fiala, A. (2004), *Practical pacifism*, Algora Publishing, New York, USA, 260 p.
- Franchuk, V. (2001), *Prosila Rossiya dozhdy u Gospoda* [Russia asked the Lord for rain], vol.2, Izdatel'stvo khristianskoy missii «Vozrozhdenie», Kyiv, Ukraine, 652 p.
- Gordeeva, I.A. (2012), "About Soviet pacifism: From the history of the independent peace movement in the USSR (the 1980s)", *Trudy po Rossievedeniyu*, № 4, pp. 339–363.
- Gordeeva, I.A. (2018), "Refusals from military service and the formation of the pacifist movement in the late 19th – early 20th century", *Krest'yanovedeniye*, vol. 3, № 4, pp. 78–104.
- Gordeeva, I.A. (2019), "The Religious Roots of the Pacifist Movement in the Russian Empire and the USSR in the 20th century", *Religiski-Filozofiski Raksti*, vol.25, pp. 242–264.
- Holmes, R.L. (2016), *Pacifism: A philosophy of nonviolence*, Bloomsbury Publishing, London, UK, 346 p.
- Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR* (1989) [The history of Evangelical Christian Baptists in the USSR], Vsesoyuznyy sovet evangel'skikh khristian-baptistov, Moscow, USSR, 622 p.
- Klibanov, A.I. (1969), "Sectarianism and the construction of the armed forces of the Soviet Republic (1918–1921)", in *Religioznoe sektantstvo i sovremennost' (sotsiologicheskie i istoricheskie ocherki)* [Religious Sectarianism and Modernity (sociological and historical essays)], Nauka, Moscow, USSR, pp. 188–208.
- Kliueva, V. (2015), "'They did not give in, but agreed with them': Evangelical Christians-Baptists and Pentecostals in the first post-war decade", in Baberovski, Y. & A. Drozdov (eds.), *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* [The Soviet state and society during the period of late Stalinism. 1945–1953], ROSSPEN, Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina, Moscow, Russia, pp. 586–594.
- Kliueva, V. & R. Poplavsky (2022), "Russian Pentecostals: from the Soviet Union to Post-Soviet Russia", in Wilkinson, M. and J. Haustein (eds.), *The Pentecostal World*, Routledge, London, UK, pp. 107–121.
- Kozlov, F. N. (2015), "Decree "On Freedom of Conscience" or "On the separation of the church" (1918)", *Ekho vekov*, № 3–4, pp. 174–187.
- Krapivin, M.Yu., Leykin, A.Ya. & A.G. Dalgatov, (2003), *Sud'by khristianskogo sektantstva v Sovetskoy Rossii (1917 – konets 1930-kh godov)* [The fate of Christian Sectarianism in Soviet Russia (1917 – late 1930s)], Izdatel'stvo SPbGU, St. Petersburg, Russia, 303 p.
- Nicol'skaya, T.K (2010), "The August Agreement and the positions of the Pentecostals in the 40s – 50s of the 20th century", *Gosudarstvo, religiia i tserkov' v Rossii i za rubezhom*, № 3, pp. 124–133.
- Nicol'skaya, T. (2009), *Russkiy protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godah* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991], Izdatel'stvo EU SPb, St. Petersburg, Russia, 356 p.
- Pavlova, T. (ed.) (1997), *Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvennoy mysli Rossii* [The Long Path of Russian Pacifism: The Ideal of International and Internal Peace in the Religious, Philosophical and Social Thought of Russia], Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, Russia, 376 p.
- Prokhorov, K. (2008), "About Christian pacifism", *Bogoslovskie razmyshleniya*, № 9, pp. 106–107.

- Savin, A.I. (2009), “Alternative civil service in Soviet Russia in the 1920s – 1930s: legal framework and practical organization”, in *Instituty grazhdanskogo obshchestva v Sibiri (XX – nachalo XXI v.)* [Civil society institutions in Siberia (20th – early 21st century)], Institut istorii SO RAN, Novosibirsk, Russia, pp. 71–93.
- Savin, A.I. (2018), “The Fight for Youth: The Soviet State and Religious Dissidents in the Brezhnev Era”, in *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, Society and Power in the History of Russia], Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, Novosibirsk, Russia, pp. 493–518.
- Savinskiy, S.N. (2001), *Istoriya evangel'skikh khristian baptistov Ukrainy, Rossii, Belorussii (1917–1967)* [History of Evangelical Christians Baptists of Ukraine, Russia, Belarus (1917–1967)], Bibliya dlya vsekh, St. Petersburg, Russia, 423 p.
- Sibley, M. (1943), “The Political Theories of Modern Religious Pacifism”, *American Political Science Review*, № 37(3), pp. 439–454.
- Stepanov, V. (2020), *Rossiya v ogne pyatidesyatnitsy: obzor vsemirnoy istorii tserkvi, istorii rannego russkogo pyatidesyatnichestva i tserkvi evangel'skikh khristian v dukhe apostol'skom (do 1929 goda)* [Russia in the Fire of Pentecost: an overview of the World History of the Church, the History of early Russian Pentecostalism and the Church of Evangelical Christians in the Apostolic Spirit (before 1929)], Bibliya dlya vsekh, St. Petersburg, Russia, 811 p.
- Stvolygin, K.V. (1997), *Politika osvobozhdeniya grazhdan ot voinskoy povinnosti po religioznym ubezhdeniyam v Sovetskom gosudarstve (1918-1939 gg.)* [The policy of exempting citizens from military service based on religious beliefs in the Soviet State (1918-1939)], PhD dissertation, Belarus State University, Minsk, Belarus, 120 p.
- Stvolygin, K.V. (2016), “Activities of the United State Political Administration to force religious pacifists to perform military service in the USSR”, *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, № 16(1), pp. 259–265.
- Stvolygin, K.V. (2019), “Religious sectarians in the Red Army: a history of persecution (1918-1928)”, *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, vol. 13, № 1, pp. 117–121.
- Yoder, J. H. (1992), *Nevertheless: the varieties and shortcomings of religious pacifism*, Herald Press, Scottdale, Pa., USA, 192 p., available at: <https://lib.zlibraries.com/book/jlo3zxcg9pgl6/nevertheless-the-varieties-and-shortcomings-of-religious-pacifism> (accessed 10.07.2023).
- Zherebilov, Yu. (2011), *Ternisty put' k svobode. Istoriya emigratsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vostoke* [A thorny path to freedom. The history of the emigration movement in the Far East], n.p., Sacramento, USA, 324 p.